

Концепции политической идентичности в социальных науках

Вступление

Важным аспектом жизни в современном социуме является политическая идентичность, определяющая социальную и гражданскую позицию личности, особенности ее политической активности. Именно поэтому раскрытие особенностей политической идентичности граждан Украины в условиях общественного транзита составляет одну из приоритетных задач, встающих перед социологами.

Исследователи фиксируют довольно интересную и неоднозначную динамику изменений в становлении политической идентичности граждан Украины. Так, по результатам исследования “Мониторинг’2018: основные тенденции изменений общественного мнения”, которое проводится Институтом социологии НАН Украины и Фондом “Демократические инициативы” имени Илька Кучерива, установлено, что на момент опроса 43,9% респондентов не имели четко определенных идеологических идентификаций. Из них 15,1% окончательно не определились со своей позицией в отношении конкретной идеологии, а 28,8% вообще не разбираются в политических течениях [Мониторинг’2018, 2018: с. 5]. Что касается количества неопределившихся, то оно относительно стабильно в течение последних 25 лет (колеблется в диапазоне 15–18%). Однако количество тех, кто не разбирается в политических течениях, за последние 10 лет возросло более чем на 12% (по сравнению с данными за 2002–2010 годы) и сейчас практически такое же, как и в 90-х годах XX века.

В то же время социологами зафиксирован довольно высокий уровень недоверия к политическим лидерам (49,3%), а также политическим партиям и движениям (48,8%) [Мониторинг’2018, 2018: с. 4]. Указанная тенденция наблюдается 10 лет подряд и вместе с другими данными вызывает некоторую обеспокоенность. Ведь на фоне постоянного недовольства по поводу

качества демократических институтов в украинском обществе растет соблазн авторитаризма и “сильной руки” как альтернативы демократии. Две трети (60,5%) населения в той или иной мере соглашаются с утверждением, что “для нормального развития стране нужна “сильная рука”, а не разговоры о демократии” [Моніторинг’2018, 2018: с. 3]. С одной стороны, зафиксированные социологами тенденции изменений в становлении политической идентичности граждан свидетельствуют об усилении рисков для развития демократии в Украине, с другой — вызывают потребность во всестороннем изучении факторов, обуславливающих такое состояние развития политической идентичности граждан.

При этом остается открытым вопрос, стоит ли отождествлять политическую идентичность с идеологической идентификацией граждан. Идеологические ориентации и отношение граждан к субъектам политической активности являются важными структурными компонентами политической идентичности, но не исчерпывают ее. Именно поэтому весьма важной актуальной задачей является конкретизация понятия политической идентичности и выделение ее составляющих.

Следует отметить, что внимание ученых приковано к изучению разных аспектов политической идентичности с середины XX века. За этот период было предпринято несколько попыток концептуализации понятия “политическая идентичность”. В рамках этого процесса постоянно менялось его содержательное наполнение, конкретизировались представления о его структуре. Однако, несмотря на многочисленные попытки дать обоснованную интерпретацию понятию “политическая идентичность”, пока нет оснований считать эту задачу решенной.

Особенности определения и понимания сущности политической идентичности в большой мере связаны с логикой развития науки. В наше время ученые признают, что углубленное изучение идентичности должно опираться на ряд методологических и теоретических положений постнеклассической научной парадигмы [Инглхарт, 2006: с. 301–312; Семененко, 2011: с. 8–12]. При этом в силу разнообразия интерпретаций необходимо уточнение понятия политической идентичности.

Цель статьи состоит в проведении теоретико-методологического анализа основных концепций и подходов к изучению политической идентичности в социальных науках, в осуществлении попытки определения понятия “политическая идентичность” и выделения ее структурных элементов.

Предпосылки концептуализации понятия политической идентичности

Процесс концептуализации понятия политической идентичности имеет долгую и далеко не завершенную историю. Ведь сегодня это понятие понимают как “открытый конструкт”, постоянно переосмысливающийся и совершенствующийся с учетом как развития науки, так и общественных изменений [Gleason, 1983; Waterman, 1983; Инглхарт, 2006; Семененко, 2011].

В связи с этим особое значение приобретает детальный анализ становления взглядов ученых на политическую идентичность, открывающий путь к более глубокому пониманию данного феномена и позволяющий очертить перспективные направления его исследования.

Изучение идентичности во всех возможных ее проявлениях всегда имело междисциплинарный характер. Поэтому не удивительно, что предпосылки для появления первых концептуальных взглядов на политическую идентичность создавались представителями разных наук, таких как:

- философия (начиная с концепции политического мира Фукидида [Фукидид, 2016], идеи которого плодотворно развивались в трудах Аристотеля [Аристотель, 1975], Страбона [Страбон, 1964], Диодора [Diodorus Tarsensis, 1980], Д.Локка [Локк, 1985], Д.Юма [Юм, 2001], Т.Пейна [Пейн, 2000] и Т.Рида [Reid, 1983]);
- антропология и этнография (в концепциях и исследованиях Э.Тейлора [Тейлор, 1989], Л.Моргана [Морган, 1933], Л.Леви-Брюля [Леви-Брюль, 2014] и К.Леви-Стросса [Леви-Стросс, 1985], А.Потебни [Потебня, 1992]);
- психология (прежде всего в рамках психоаналитической концепции З.Фрейда [Фрейд, 2013], в работах которого ведущая роль в процессе становления личности отведена идентификации);
- социология (в концепции “сознания рода” Ф.Гиддинга [Гиддингс, 2012], а также в концепциях представителей символического интеракционизма Дж.Г.Мида [Mead, 1934], Ч.Кули [Cooley, 1929] и Г.Блумера [Блумер, 2017], заложивших основы для понимания множественной природы идентичности, формирующейся в процессе социального взаимодействия).

И хотя сам термин “идентичность” (а тем более “политическая идентичность”) названные ученые еще не использовали, основания для его всестороннего изучения, глубокого понимания и интерпретации были заложены.

Основные этапы системного изучения политической идентичности

Сейчас среди исследователей весьма распространено мнение о том, что концептуализация взглядов на политическую идентичность осуществлялась в три этапа (“три волны”) [Попова, 2011: с. 13–29]. При этом точкой отсчета для системного изучения политической идентичности считается середина XX века — период так называемой “первой волны концептуализации”, когда начинаются эмпирические исследования данного феномена [Бунь, 2013: с. 200–212; Попова, 2011: с. 13–29].

Прежде всего это касается группы американских исследователей, которые вошли в историю науки как разработчики “мичиганского проекта” [Campbell, Gurin, Miller, 1954]. Считается, что на взгляды этих исследователей повлияли не только психоаналитические идеи, но и бихевиористские, что нашло отражение в базовых положениях их концепции, согласно которой политическую идентичность рассматривают как партийную идентичность. Исследуя феномен политической идентичности, ученые пришли к следующим выводам: а) люди хотят чувствовать близость с себе подобными; б) сходство пробуждает у них определенные чувства; в) люди признают партийные различия как существенные [Campbell, Converse, Miller, Stokes, 1960: p. 211–229]. По мнению исследователей, обыватели не мыслят идеологическими категориями, а у большинства голосующих отсутствует или же очень низка корреляция между идеологическими установками и политическими взглядами.

Даже не владея знаниями о спорных проблемах или идеологической ориентации как таковой, большинство граждан руководствуются общностью политической ориентации (так называемой когнитивной и аффективной “картой”), которая и определяет их электоральный выбор.

Как показали результаты исследований американских ученых, люди структурировали свое понимание комплекса спорных проблем, кандидатов и событий кампании сквозь призму лояльности к той или иной политической партии (party loyalty) [Campbell, Converse, Miller, Stokes, 1960: p. 340–344]. При этом партийную идентичность ученые рассматривали как производную от социального опыта избирателей, их первичной социализации в семье и групповой социализации в более зрелом возрасте. Так сформировалась концепция “американского избирателя”, охватывающая различные аспекты, связанные с политической активностью и электоральным поведением граждан.

В 1960-х годах “мичиганская модель” была общепринятой. Авторы книги “Американский избиратель” считали, что в демократическом обществе с устоявшейся двухпартийной системой политическая идентичность связана с психологической вовлеченностью в политику и (1) способствует формированию общественного мнения; (2) влияет на электоральное поведение; (3) препятствует созданию новых партийных движений и содействует стабильности действующей партийной системы [Campbell, Converse, Miller, Stokes, 1966: p. 370–385]. Благодаря этому она выполняет следующие функции: (1) структурирование общества; (2) интеграция интересов групп; (3) фиксирование корпоративного настроения реальных или символических групп; (4) формирование общественного мнения и обеспечение социального контроля за поведением граждан. Кроме того, устоявшаяся политическая идентичность членов партийной организации, по мнению исследователей, повышает эффективность ее деятельности и выполняет психотерапевтическую роль (снижает тревожность, дает ощущение своей причастности к реализации социально значимых целей) [Campbell, Converse, Miller, Stokes, 1966: p. 378–382].

Авторы “мичиганского проекта” отмечают еще одну важную функцию политической самоидентификации граждан — удовлетворение потребности в признании. В некоторых случаях она играет ведущую роль в мотивации политического поведения: способствует превращению потребностей в действия, помогает людям ориентироваться в политическом пространстве, помогает оценивать происходящее. Идентичность формируется сначала на основе имитации, в результате наблюдения за поведением референтной группы, осознания имеющихся возможностей и преимуществ, которые дает им это поведение, апробации такого поведения. Все перечисленные элементы, по мнению исследователей, способствуют формированию определенной политической идентичности индивида [Campbell, Converse, Miller, Stokes, 1966: p. 381–385].

Таким образом, авторы данной концепции определяют политическую идентичность как партийную по своей сути. Она включает общие идеологические ориентации, интересы и настроения представителей определенных социальных групп, обеспечивает социальный контроль за поведением граждан и определяет их электоральный выбор.

После появления “Американского избирателя” проблемы изучения политической идентичности попадают в фокус внимания британских ученых.

В 1974 году увидела свет книга Д. Батлера и Д. Стоукса “Политические изменения в Британии”, написанная на основе обобщения результатов панельных исследований группы Британских электоральных исследований (BES) [Butler, Stokes, 1974: p. 88]. Анализ результатов этих исследований показал, что наибольшее влияние на формирование политики партий и электоральное поведение граждан оказывают определенные общественные проблемы, такие как: обеспечение всеобщего благоденствия в государстве (социальные программы, пенсии и строительство муниципального жилья), забастовки и иммиграция. Вокруг этих проблем формировались предвыборные программы политических партий, а электоральный выбор граждан в значительной мере определялся степенью привлекательности предлагаемых вариантов их решения. Вследствие этого типичный британский избиратель был вынужден адаптировать свои установки, склоняясь то к правому, то к левому крылу по спорным вопросам.

Для объяснения поддержки избирателями в течение долгого времени определенной партии в Великобритании использовалась американская концепция оценки себя как приверженца определенной партии [Berelson, Lazarsfeld, McPhee, 1954]. При этом категорию “видение себя” (“self-image”) исследователи применяли чаще, чем понятие идентичности.

Таким образом, авторы данной концепции политическую идентичность рассматривают как совокупность установок граждан касательно общественно значимых проблем.

В конце 1970-х и в начале 1980-х годов интерес к теории политической идентичности проявили исследователи Западной и Северной Европы, обеспокоенные возможностями адаптации методики оценки партийной идентичности для стран с пропорциональной партийной системой, а также влияния на политическую идентичность и электоральное поведение таких форм социальной идентичности, как конфессиональная и социально-статусная [Franklin, Jackson, 1983; Dalton, 1988].

Итак, первая волна начала 1960-х — середины 1980-х годов — это период безусловного доминирования разработанной “мичиганской четверкой” американской концепции партийной идентичности, которая с помощью “воронки причинности” объясняла постоянное электоральное поведение и делала возможными среднесрочные прогнозы результатов выборов в странах с двухпартийной системой. Политическую идентичность фактически приравнивали к партийной. При этом идеологическая и персонифицированная модели идентичности в начальной версии теории рассматривались как альтернативные или в качестве дополняющих партийную.

В середине 1980-х годов обозначился скептицизм в отношении концепта партийной идентичности, что было вызвано признанием со стороны американских политологов и социологов факта снижения доли “постоянных приверженцев” среди симпатиков демократической и республиканской партий. Таким образом, это почти “поставило крест” на существовании предложенной ими теории политической идентичности как сугубо партийной.

Формирование “второй волны” теории политической идентичности начинается в Европе в середине 1970-х годов и продолжается в последующие двадцать пять лет. Эти процессы связывают с:

- 1) началом эмпирических исследований формирования общеевропейской идентичности (программа “Евробарометр”, публикации Дж. Уэлша) [Welsh, 1993];
- 2) оценкой влияния на политическое поведение разных моделей социальной идентичности (Ф.Шлезингер, Р.Картер, Дж.Хелмс), прежде всего этнической, а также гендерной, конфессиональной, профессиональной [Schlesinger, 1987; Carter, Helms, 1990];
- 3) исследованием влияния явлений глобализации / глокализации и становления информационного общества на особенности политической идентичности (М.Кастельс) [Castels, 1997].

Именно в этот период появляются работы, посвященные кризисным проявлениям политической идентичности. Тема кризисной и негативной идентичности, которую впервые выразил Э.Эриксон [Эриксон, 1996], получила развитие в теориях ученых этого периода. Прежде всего ученые активно обращались к гендерным аспектам политической самоидентификации [Rupp, Taylor, 1999: p. 363–386]. Не менее интересным представляется анализ роли насилия и его связи с вероисповеданием, например религиозным фундаментализмом, в формировании политической идентичности [Vries, Weber, 1997].

Кроме того, ученые все чаще поднимали вопрос о влиянии состояния экономики и средств массовой информации (СМИ) на устойчивость партийных политических предпочтений. При этом даже сторонники традиционного взгляда исследовали влияние партийной идентичности не только на электоральный выбор, но и на политическое поведение в целом [Duch, 1988: p. 195–217]. Традиционно продолжались исследования роли классовой принадлежности в формировании политических перспектив индивидов, особенностей идентификации отдельных социально-демографических и статусных групп [Fiorina, 1997: p. 391–414]. Однако в этом случае интересны также попытки анализа разных коллективных форм идентификации в конфликтах и кризисных условиях, роли личностной и групповой социальной идентичности в системе государственного управления, характера формирования позитивной и негативной политической идентичности в условиях демократии и в современном обществе “новых технологий” [Castels, 1997; Rose, Mishler, 1998].

В 1990-х годах активно дискутировались вопросы о роли глобализации и информационного общества в формировании политической идентичности. В исследованиях европейских ученых появилось специальное направление, представители которого особо акцентировали снижение значимости национального государства и других классических политических институтов в формировании политической идентичности [Dahrendorf, 1990; Vannicelli, 1989–1990]. Это объяснялось тем, что в условиях глобализации национальное государство как бы “исчезает” на фоне роста потенциала наднациональных объединений, например, Европейского Союза, развития цивилизационных идентичностей, усиления влияния региональных сообществ отдельных стран, их трансграничной активности и развития межрегиональных связей [Castels, 1997].

Но при этом процессы глокализации привели к тому, что простейшим способом объединения, позволяющим “людям избежать чувства разобщенности, слабости и незащитности перед лицом бушующих вокруг превосходящих исторических сил стало объединение по этническим признакам”

[Hinich, Munger, 1994: p. 289–295]. Именно поэтому в условиях глобализации этническая идентичность не просто связана с политической самоидентификацией, но и сама приобретает политический характер. Как отмечают ученые, зачастую она является примером “утраченной идентичности”, которую понимают как существующую, но “безголосую”, и которая может проявиться лишь при определенных условиях. Стиль жизни в современных государствах становится более унифицированным, но проявляется и тенденция к сохранению собственной культуры и языка, к противодействию чужеродному влиянию.

Важное место среди теорий политической идентичности занимают концепции проектирования будущего. Описывая “общества будущего” как информационные, М.Кастельс делает акцент на том, что власть более не является составляющей “институтов (государства), организаций (капиталистических фирм) или носителей символов (корпоративных средств массовой информации и церкви)” [Castels, 1997: p. 367–414]. По мнению ученого, поэтому и продолжается поиск новой системы социальных связей на основе реконструированной идентичности, что обусловлено кризисом двух основных институтов индустриального общества — семьи и национального государства. Новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основании которых общество организует свои институты, а люди строят собственную жизнь и принимают решения в отношении своих поступков. Таким образом, центрами власти становятся умы людей. По мнению М.Кастельса, политические партии исчерпали свой потенциал. Фактически политические доктрины, отсылающие к промышленным институтам и организациям, начиная с демократического либерализма (который базируется на национальном государстве) и заканчивая социализмом (опирающимся на труд), в новых социальных условиях оказываются лишены своего практического смысла. Вследствие этого они теряют привлекательность и в стремлении выжить идут путем бесконечных мутаций, развеиваясь за спиной нового общества подобно знаменам забытых войн [Castels, 1997: p. 419–428].

Вместе с тем исчерпываются истоки “легитимной самобытности” идеологий. В постиндустриальном обществе идея защиты личности, ее самобытности и культуры приходит на смену идее классовой борьбы. Отталкиваясь от этого, М.Кастельс выделяет три типа идентичности: “легитимную идентичность”, “идентичность сопротивления” и “проективную идентичность”. Первый вариант идентичности порожден индустриальным обществом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства, второй связан с переходом к новому типу ценностей, создаваемых локальными сообществами, третий определяется формированием личности, субъекта [Castels, 1997: p. 422–428].

Таким образом, политическая идентичность определяется одновременно в трех измерениях как: 1) система традиционных установок граждан, обуславливающих их отношение к общественным и государственным институтам; 2) система ценностей, возникающая у представителей определенных социальных групп в результате сопротивления внешним влияниям и позволяющая им сохранять / поддерживать собственную самобытность; 3) способ организации собственной общественной и политической активности личности.

“Третья волна” в развитии теории политической идентичности связана с периодом 1990-х — начала 2000-х годов, когда политики осознали практический смысл изучения разных моделей политической идентичности в странах Евросоюза, и вектор обсуждения этой темы в научной среде изменился.

Благодаря таким изменениям формируется концепция “политики идентичности”, главной чертой которой является раздвоение объекта анализа: наряду с изучением стереотипов и установок массового и индивидуального политического сознания (а политическая идентичность рассматривается именно в этой плоскости, хотя, безусловно, влияет также и на базовые и идеологические ценности, и на политические предпочтения индивидов) [Straub, 2002] ученые начинают активно уделять внимание последствиям введенной политики мультикультурализма и толерантности в отношении к мигрантам и представителям нетрадиционных для европейских стран религий [Todd, Bottos, Rougier, 2008].

Фактически авторы данной концепции политическую идентичность определяют как совокупность идеологических ценностей и политических предпочтений, являющихся наднациональными и присущими гражданам многих стран, объединяемых по цивилизационным признакам.

С этой точки зрения интересны исследования Т.Райсса, М.Эмерсона, В.Лота, И.Нойманна и Б.Страта, где показано влияние наднациональных органов Евросоюза на процесс формирования европейской идентичности и предпринята попытка определить наилучший сценарий идентификационной политики.

Так, Т.Райсс пытается выявить закономерности социального поведения при одновременной смене валют [Risse, 2003], В.Лот ставит задачу создать многомерную модель идентичности [Loth, 2000], М.Эмерсон сосредотачивается на необходимости построения многомерной модели интеграции [Эмерсон, 2005], И.Нойманн уделяет внимание изучению историко-политической концепции единого европейского пространства [Нойманн, 2004], Б.Страт анализирует начало политики идентичности в Евросоюзе [Strath, 2003]. Европейскую идентичность понимают как совокупность характеристик, которые отличают европейцев от “неевропейцев” в области культуры, традициях, образе жизни, системе мышления. Однако, как отмечает О.Попова, новые модели идентичности не всегда мирно уживаются с традиционными [Попова, 2011].

Фактически проблема формирования европейской идентичности поставила исследователей перед необходимостью использования в трактовке политической идентичности культурологического (или цивилизационного) подхода, поскольку во многих проанализированных ситуациях обнаруживается дисфункция между общегражданской (национальной — в терминологии западноевропейских исследователей) и этнической идентичностями, а также заставила приступить к обсуждению вопроса о “политике идентичности” [Сміт, 1994: с. 121–123; Cerutti, 2001: р. 26–45]. При этом среди ученых разгорелась острая дискуссия (особенно между Э.Гелнером и Э.Смитом) касательно выбора парадигмы (примордиальной, конструктивистской или постмодернистской), в рамках которой целесообразно анализировать идентичности.

По итогам дискуссии было констатировано, что политика идентичности в западноевропейских странах касается различных аспектов формирования модели политической идентичности, в которой гармонично сочетались бы

этническая, общегражданская идентичность и сконструированная в рамках Евросоюза европейская идентичность. Европейскую идентичность исследователи трактуют как специфическую усложненную форму политической идентичности, вобравшую в себя элементы всех других видов.

Таким образом, “третья волна” интереса к теории идентичности в политической науке, поднявшаяся с начала 2000-х годов, акцентирует внимание на взаимосвязи национальной (фактически речь идет об общегражданской) и этнической идентичностей [Ryan, 2017]. В европейских странах объектом специального анализа являются преимущественно потомки иммигрантов и автохтонные этнические меньшинства, компактно проживающие на территории национального государства [Vignoles, 2019].

Н.Кристенсен в статье “Значение и измерения политической идентичности” рассматривает ряд других подходов к концептуализации понятия “политическая идентичность” [Kristensen, 2015], — начиная с марксистского и диспозиционно-структурального подхода П.Бурдьё, — и отмечает, что эти подходы весьма ограничены, поскольку рассматривают любую идентичность, в том числе и политическую, как продукт экономической или социальной структуры. Индивид в зависимости от своей позиции в системе производства или в социальной структуре “запрограммирован” выбирать ту или иную идентичность. Однако социальная практика доказывает, что сфера политики как таковая и процессы индивидуальной идентификации отличаются определенной автономией и что существуют конкретные факторы (такие как политическая культура, ценностные ориентации), не укладывающиеся в эти концепции [Kristensen, 2015; Vignoles, 2019].

Некоторые ученые критически относятся не только к отдельным концепциям политической идентичности, но и к использованию концепта идентичности в целом. К примеру, Р.Брубейкер и Ф.Купер весьма скептически оценивали потенциал идентичности как инструмента социологического анализа [Brubaker, Cooper, 2000]. Американские ученые предлагают вместо идентичности изучать идентификацию, переходить от исследования групп к изучению проектов их создания, что, по их мнению, позволит акцентировать внимание на процессе, раскрывающем способы видения, интерпретации и репрезентации реальности и приближающем социологов к практике.

Специфика изучения политической идентичности в отечественной науке

Как видим, исследования политической идентичности и попытки концептуализации этого феномена довольно плодотворно развивались в зарубежной науке. Однако, как отмечают отечественные социологи (А.Вишняк, А.Ручка, Ю.Шведа, В.Ворона, Н.Шульга), ни одна из этих концепций не может использоваться в чистом виде для анализа политической идентичности граждан Украины, потому что они не в полной мере учитывают специфику украинского общества [Вишняк, 2000; Ворона, Шульга, 2006; Шведа, 2007; Ручка, 2012].

Что касается украинской науки, то идентичность часто выступает предметом исследований и публикаций. Прежде всего это касается исследований национальной, этнической, региональной и территориальной идентичности. Проблематика идентичности активно исследуется в постсоветской социоло-

гии с 1990-х годов. Это не удивительно, ведь разрушение советской системы и актуализация трансформационных процессов в странах бывшего Союза заставила людей пересмотреть свое место в социуме. Если раньше индивид мог идентифицировать себя с государством, партией и “советским народом”, то с конца XX века палитра социальных идентичностей стала чрезвычайно широкой. Феноменом идентификации и идентичности занимались В.Ядов, Е.Головаха, Л.Дробижева, И.Прибыткова, А.Стегний, А.Резник, Н.Черныш, О.Ровенчак, Г.Коржов, М.Мищенко и многие другие ученые.

Научные поиски исследователей оказались весьма плодотворными и способствовали приближению к раскрытию специфики политической идентификации в украинских реалиях.

Весомый вклад в разработку данной проблематики был сделан в исследованиях авторского коллектива Института социологии НАН Украины и Института социологии РАН под руководством Е.Головахи и Л.Дробижевой [Головаха, Дробижева, 2007]. Эти авторы изучали причинно-следственные связи в процессе формирования новых идентичностей в постсоветский период, роль государственных институтов, СМИ и политических элит в этих процессах, осуществляли глубокий сравнительный анализ ценностей, символов и установок, на основании которых формируются новые идентичности, определяли специфику их проявлений в различных сферах общественной жизни и т.п. А.Резник проанализировал особенности политической самоидентификации личности в контексте становления гражданского общества [Резнік, 2003]. О.Боровский изучал идеологические маркеры политической идентификации граждан [Боровський, 2012].

Часто обращаются, в частности как к основаниям исследовательской проблематики к национальной, гражданской, этнокультурной и языковой идентичностям населения Украины. Здесь также имеются интересные разработки отечественных ученых. Так, Т.Воропаева провела ряд исследований, которые позволили определить динамику формирования национальной идентичности граждан Украины [Воропаева, 2016]; И.Жадан исследует роль коммуникативных практик как факторов гражданской и национальной самоидентификации [Жадан, 2016]; психосемантические особенности национальной и гражданской самоидентификации изучают И.Остапенко и О.Соснюк [Соснюк, Остапенко, 2017]; А.Коваленко и К.Безверхая исследуют социальную идентичность как механизм адаптации личности во время общественного кризиса [Коваленко, Безверха, 2017]; И.Остапенко анализирует возможные стратегии и технологии активизации самоидентификации [Остапенко, 2018].

Указанные исследования по смыслу и направленности довольно схожи с идеями времен третьей волны концептуализации политической идентичности в зарубежной науке. Кроме того, они раскрывают украинскую специфику формирования политической идентичности граждан, дают интересный эмпирический материал для поиска различий между политическими, национальными, гражданской, социальной и прочими видами идентичности.

Тем не менее ныне еще недостаточно внимания уделяется изучению именно политической идентичности. В постсоветской социологии редко упоминают концепт “политическая идентичность” — обычно вскользь и без раскрытия его содержания. Недостает разработанных концепций политической идентичности, которые бы отвечали содержанию социальных процессов в государстве.

Вот почему перспективы дальнейших исследований мы видим: 1) в теоретической плоскости — в более четком определении политической идентичности по сравнению с политическим сознанием, политическими ценностями и ориентациями; 2) в эмпирической плоскости — в осуществлении анализа идентитетов, образующих политическую идентичность, в определении разновидностей политических идентичностей населения Украины, в установлении связи между характером политических идентичностей и динамикой общественного транзита.

Выводы

Предпосылки для появления концептуальных взглядов на политическую идентичность создавали представители разных наук: философии (начиная с концепции политического мира Фукидида, идеи которого плодотворно развивались в трудах Аристотеля, Страбона, Диадора, Д.Локка, Д.Юма, Т.Пейна и Т.Рида); антропологии и этнографии (концепции и исследования Э.Тейлора, Л.Моргана, Л.Леви-Брюля и К.Леви-Стросса, А.А.Потебни); психологии (прежде всего в рамках психоаналитической концепции З.Фрейда, который в своих работах ведущую роль в процессе становления личности отводит идентификации); социологии (концепция “сознания рода” Ф.Гиддингса, концепции представителей символического интеракционизма Дж.Г.Мида, Ч.Кули и Г.Блумера, которые заложили фундамент для понимания множественной природы идентичности, формирующейся в процессе социального взаимодействия).

В социологической науке концептуализация взглядов на политическую идентичность происходила в три этапа (“три волны”). *Первый этап*: мичиганский проект (“Американский избиратель”), где политическая идентичность рассматривается как партийная идентичность; британские концепции решения общественных проблем (Д.Батлера, Д.Стоукса), то есть интерпретация политической идентичности как элемента политического сознания “среднего уровня” — промежуточного звена между политическими ценностями и предпочтениями. *Второй этап*: европейские (программа “Евробарометр”, Дж.Уэлш) — рассмотрение политической идентичности как продукта процессов глобализации; концепции опосредованного влияния социальной идентичности (Р.Картер, Дж.Хелмс, Ф.Шлезингер) — понимание политической идентичности как результата влияния этнической, гендерной и конфессиональной идентичности; концепция проектирования будущего (М.Кастельс), когда политическая идентичность представляется как результат влияния процессов глобализации / глокализации и становления информационного общества. *Третий этап*: концепции мультикультурализма, согласно которым политическая идентичность трактуется как надгосударственное/европейское ментальное образование, определяющее цивилизационный выбор (Т.Райсс, М.Эмерсон, В.Лот, И.Нойманн, Б.Страт, Ф.Черутти); концепция общегражданской идентичности (Г.Бест), которая толкует политическую идентичность как продукт взаимодействия трех групп: политической элиты, экономической элиты и рядовых граждан.

По результатам теоретического анализа политическую идентичность можно определить как чувство принадлежности (фактической или воображаемой) к определенной политической группе (партии, общественному

движению, электоральной группе), имеющей собственные интересы, стремления и ожидания; отождествление себя с определенной политической позицией (идеологией, группой ценностей). Основными структурными элементами политической идентичности выступают: социально-статусные характеристики; оценки экономической и политической ситуации; партийные предпочтения; позиции/установки по конкретным вопросам; оценки персональных качеств политических лидеров; перспективные ожидания избирателей от партий и кандидатов.

Источники

- Аристотель (1975). *Метафизика* (под ред. В. Ф. Асмуса). Москва: Мысль.
- Блумер, Г. (2017). *Символический интеракционизм*. Москва: Элементарные формы.
- Боровський, О. О. (2012). Ідеологічні маркери політичної ідентифікації українських громадян. *Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки: Збірник наукових праць*, 17, 78–83.
- Бунь, В. (2013). Теоретичні підходи до аналізу електорального вибору. *Вісник Львівського університету. Серія філософсько-політологічні студії*, 3, 200–212.
- Ворона, В., Шульга, М. (ред.) (2006). *Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг*. Київ: Інститут соціології НАН України.
- Воропаєва, Т. (2016). Спільна ідентичність в контексті консолідації українства. *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Українознавство*, 1, 11–14.
- Вишняк, О. (2000). *Електоральна соціологія: історія, теорія, методи*. Київ: Інститут соціології НАНУ.
- Гиддингс, Ф. Г. (2012). *Основания социологии: анализ явлений ассоциации и социальной организации*. Москва: КРАСАНД.
- Головаха, Е. (ред.), Дробижева, Л. (ред.). (2007). *Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации*. Киев: Інститут соціології НАН України; Інститут соціології РАН.
- Инглхарт, Р. (2006). *Культура и демократия. Политология: хрестоматия*. Санкт-Петербург: Питер.
- Жадан, І. В. (2016). Комунікативні практики як чинник громадянської і національної самоідентифікації: теоретико-методологічні засади дослідження. *Проблеми політичної психології: зб. наук. праць. Ін-т соц. та політ. психології НАПН України*, 3 (17), 3–11.
- Коваленко, А. Б., Безверха, К. С. (2017). Соціальна ідентичність як механізм адаптації особистості під час суспільної кризи. *Український психологічний журнал*, 3, 48–62.
- Леви-Брюль, Л. (2014). *Первобытный менталитет*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Леви-Стросс, К. (1985). *Структурная антропология*. Москва: Главная редакция восточной литературы.
- Локк, Дж. (1985). *Сочинения: в 3 т.* (под ред. И. С. Нарского). Т. 1. Москва: Мысль.
- Моніторинг'2018: основні тенденції змін громадської думки* (2018). Київ: Центр політико-правових реформ, Фонд “Демократичні ініціативи” імені Ілька Кучеріва.
- Морган, Л. Г. (1933). *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Ленинград: Издательство института народов Севера.
- Нойманн, И. (2004). *Использование “Другого”: образы Востока в формировании европейской идентичностей*. Москва: Новое издательство.
- Остапенко, І. В. (2019). *Стратегії та технології активізації самоідентифікування молоді*. Київ: Інститут соціальної та політичної психології НАПН України.

Пейн, Т. (2000). *Права людини*. Львів: Літопис.

Попова, О. В. (2011). Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политологии. *Идентичность как предмет политического анализа* (с. 13–29). Москва: ИМЭМО РАН.

Потебня, О. (1992). *Мова. Національність. Денаціоналізація*. Нью-Йорк: Українська вільна академія наук у США.

Ручка, А. О. (2012). Політико-ідеологічна самоідентифікація населення сучасної України. *Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг* (с. 29–40). Київ: Інститут соціології НАН України.

Резнік, О. (2003). *Політична самоідентифікація особистості за умов становлення громадянського суспільства*. Київ: Інститут соціології НАН України.

Семененко, И. С. (2011). Идентичность в предметном поле политической науки. *Идентичность как предмет политического анализа* (с. 8–12). Москва: ИМЭМО РАН.

Сміт, Е. Д. (1994). *Національна ідентичність*. Київ: Основи.

Соснюк, О. П., Остапенко, І. В. (2017). Психосемантичні особливості національної та громадянської ідентичності студентської молоді. *Український психологічний журнал*, 2(4), 164–176.

Страбон (1964). *Географія*. Москва: Наука.

Тейлор, Э. Б. (1989). *Первобытная культура*. Москва: Политиздат.

Фрейд, З. (2013). *Психология масс и анализ человеческого “Я”*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус.

Фукидид (2016). *История*. М.: Азбука.

Шведа, Ю. Р. (2007). Трансформації партійної системи в контексті трансформації політичної системи в Україні. *Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку. Збірник наук. праць* (19, с. 165–173). Львів: Національний університет “Львівська Політехніка”.

Эмерсон, М. (2005). Экзистенциальная дилемма Европы. *Вестник Европы*, 15, 41–65.

Эрикссон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. Москва: Издательская группа “Прогресс”.

Юм, Д. (2001). *О человеческой природе* (пер. с англ. С. И. Церетели). Санкт-Петербург: Азбука.

Berelson, B. R., Lazarsfeld, P. F., McPhee, W. N. (1954). *Voting. A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago: The University of Chicago Press.

Brubaker, R., Cooper, F. (2000). Beyond “Identity”. *Theory and Society*, 29, 1–47.

Butler, D., Stokes, D. (1974). *Political Change in Britain*. London.

Campbell, A., Converse, P. E., Miller, W. E., Stokes, D. E. (1966). *Elections and the political order*. New York: Wiley.

Campbell, A., Converse, P. E., Miller, W. E., Stokes, D. E. (1960). *The American Voter*. New York: Wiley.

Campbell, A., Gurin, G., Miller, W. E. (1954). *The Voter Decides*. Evanston (Il.): Row, Peterson and Company.

Carter, R. T., Helms, J. E. (1990). *White Racial Identity Attitudes and Cultural Values. Black and White racial identity: Theory, Research and Practice*. Westport, London.

Castels, M. (1997). *The Power of Identity*. Oxford, Blackwell.

Cerutti, F. (2001). Towards the political identity of the Europeans: An Introduction. *A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans*. Vol. 1.

Cooley, Ch. H. (1929). The Life-Study Method as Applied to Rural Social Research. *Publications of the American Sociological Society*, 23, 248–254.

Dalton, R. (1988). *Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France*. New Jersey: Chatam House.

Dahrendorf, R. (1990). *Reflections on the Revolution in Europe*. London: Chatto & Windus.

Diodorus Tarsensis (1980). *Commentarius in Psalmos*. Corpus Christianorum Series Graeca (CCSEG), T. 6.

Duch, R. (1988). Participation in the democracies of Central and Eastern Europe: Cultural versus rational choice explanations. *The postcommunist citizen* (Ed. by S. H. Barnes, J. Simon). Budapest.

Franklin, Ch., Jackson, J. (1983). The Dynamics of Party Identification. *American Political Science Review*, 77, 957–973.

Fiorina, M. P. (1997). *Voting behavior. Perspectives on public choice: A handbook* (Ed. Dennis C. Mueller). New York: Cambridge University Press.

Gleason, P. (1983). Identifying Identity: A Semantic History. *Journal of American History*, 69(4), 910–931.

Hinich, M., Munger M. C. (1994). *Ideology and the theory of political choice*. Ann Arbor: University of Michigan press.

Kristensen, N. N. (2015). The Meanings and Dimensions of Citizens' Political Identity: Approaching an Understanding of the Concept of Political Identity. *European Consortium of Political Research (ECPR): General Conference Papers*. Montreal (Canada): Université de Montreal.

Loth, W. (2000). Identity and Statehood in the process of European Integration. *Journal of European Integration History*, 6, 19–31.

Mead, G. H. (1934). *Mind, Self, and Society*. Chicago: The University of Chicago Press.

Reid, Th. (1983). *Inquiry and Essays*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.

Risse, T. (2003). The Euro between National and European Identity. *Journal of European Public Policy*, 10(4), 487–505.

Rose, R., Mishler, W. (1998). Negative and positive party identification in post-communist countries. *Electoral Studies*, 17(2), 217–234.

Ryan, C. (2017). *Political Self-Identification and Political Attitudes*. Undergraduate Honors Theses, 57. King's University College at Western University.

Rupp, L. J., Taylor, V. (1999). Forging a Feminist Identity in an International Movement: A Collective Identity Approach to Twentieth-Century Feminism. *Signs*, 24(2), 363–386.

Schlesinger, Ph. (1987). On National Identity: Some Conceptions and Misconceptions Criticized. *Social Sciences Information*, 26(2), 219–264.

Strath, B. (2003). A European Identity: to the historical limits of a concept. *European Journal of Social Theory*, 5, 387–401.

Straub, J. (2002). *Personal and collective identity: A conceptual analysis*. New York: Berghahn Books.

Todd, J., Bottos, L. C., Rougier, N. (2008). *Political transformation and national identity change: comparative perspectives*. London, New York: Routledge.

Vannicelli, L. (1989–1990). Political participation, pluralist democracy and freedom in the constitutional state. *Annales Univeritatis Mariae Curie-Sklodowska*, Lublin, 36, 329–339.

Vignoles, V. L. (2019). *Identity: Personal and Social. The Oxford Handbook of Personality and Social Psychology*. (Ed. by K. Deaux, M. Snyder). New York: Oxford University Press.

Vries, H. de, Weber, S. (1997). *Violence, Identity and Self-Determination*. Stanford.

Waterman, A. (1982). Identify development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research. *Developmental Psychology*, 18(3), 341–358.

Welsh, J. M. (1993). *A Peoples' Europe: European Citizenship and European Identity*. Badia Fiesolana.

Получено 26.07.2019

References

- Aristotle (1975). *Metaphysics* (Ed. by V. F. Asmus). [In Russian] Moscaw: Mysl. [=Аристотель 1975]
- Berelson, B. R., Lazarsfeld, P. F., McPhee, W. N. (1954). *Voting. A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Blumer, H. (2017). *Symbolic interactionism*. [In Russian] Moscaw: Elementarnyie formy. [=Блумер 2017]
- Borovsky, O. O. (2012). Ideological markers of political identification of Ukrainian citizens. [In Ukrainian] *Actual problems of sociology, psychology, pedagogics: Collection of scientific works*, 17, 78–83. [=Боровський 2012]
- Brubaker, R., Cooper, F. (2000). Beyond “Identity”. *Theory and Society*, 29, 1–47.
- Bun', V. (2013). Theoretical approaches to analysis of electoral choice. [In Ukrainian] *Herald of Lvivsky University. Philosophical-political studies*, 3, 200–212. [=Бунь 2013]
- Butler, D., Stokes, D. (1974). *Political Change in Britain*. London.
- Campbell, A., Converse, P. E., Miller, W. E., Stokes, D. E. (1960). *The American Voter*. New York: Wiley.
- Campbell, A., Converse, P. E., Miller, W. E., Stokes, D. E. (1966). *Elections and the political order*. New York: Wiley.
- Campbell, A., Gurin, G., Miller, W. E. (1954). *The Voter Decides*. Evanston (IL): Row, Peterson and Company.
- Carter, R. T., Helms, J. E. (1990). *White Racial Identity Attitudes and Cultural Values. Black and White racial identity: Theory, Research and Practice*. Westport, London.
- Castels, M. (1997). *The Power of Identity*. Oxford, Blackwell.
- Cerutti, F. (2001). Towards the political identity of the Europeans: An Introduction. *A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans*, Vol. 1.
- Cooley, Ch. H. (1929). The Life-Study Method as Applied to Rural Social Research. *Publications of the American Sociological Society*, 23, 248–254.
- Dahrendorf, R. (1990). *Reflections on the Revolution in Europe*. London: Chatto & Windus.
- Dalton, R. (1988). *Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France*. New Jersey: Chatam House.
- Diodororus Tarsensis (1980). *Commentarius in Psalmos*. Corpus Christianorum Series Graeca (CCSEG), T. 6.
- Duch, R. (1988). Participation in the democracies of Central and Eastern Europe: Cultural versus rational choice explanations. *The postcommunist citizen* (Ed. by S. H. Barnes, J. Simon). Budapest.
- Emerson, M. (2005). Existential dilemma of Europe. [In Russian] *European Herald*, 15, 41–65. [=Эмерсон 2005]
- Ericson, E. (1996). *Identity: Youth and Crisis*. [In Russian] Moscaw: Publishing group “Progress”. [=Эриксон 1996]
- Fiorina, M. P. (1997). Voting behavior. Perspectives on public choice: A handbook (Ed. Dennis C. Mueller). New York: Cambridge University Press.
- Franklin, Ch., Jackson, J. (1983). The Dynamics of Party Identification. *American Political Science Review*, 77, 957–973.
- Freud, Z. (2013). *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. [In Russian] Sanct-Petersbourg: Azbuka-Atticus. [=Фрейд 2013]
- Giddings, E. (2012). *Essentials of sociology: analysis of phenomenon of association and social organization*. [In Russian] Moscaw: KRASAND. [=Гиддингс 2012]
- Gleason, P. (1983). Identifying Identity: A Semantic History. *Journal of American History*, 69(4), 910–931.

Golovakha, E. (Ed.), Drobizheva, L. (Ed.). (2007). *National-Civil Identities and Tolerance. Experience of Russia and Ukraine in the Transformation Period*. [In Ukrainian] Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine; Moscow: Institute of Sociology, RAS. [=Головаха, Дробіжева 2007]

Hinich, M., Munger M. C. (1994). *Ideology and the theory of political choice*. Ann Arbor: University of Michigan press.

Hume, D. (2001). *A Treatise of Human Nature* (tr. by S. I. Tseretely). [In Russian] Saint-Petersbourg: Azbuka. [=ЮМ 2001]

Inglehart, R. (2006). *Culture and democracy*. Politology: reader. [In Russian] Saint-Petersburg: Piter. [=Инглхарт 2006]

Kovalenko, A. B., Bezverkha, K. C. (2017). Social identity as an adaptation mechanism of personality in the social crisis [In Ukrainian]. *Ukrainian psychological journal*, 3, 48–62. [=Коваленко, Безверха 2017]

Kristensen, N. N. (2015). The Meanings and Dimensions of Citizens' Political Identity: Approaching an Understanding of the Concept of Political Identity. *European Consortium of Political Research (ECPR): General Conference Papers*, Montreal (Canada): Universit  de Montreal.

Locke, J. (1985). *Writings: in 3 vol.* (Ed/ by. I. S. Narsky), Vol. 1. [In Russian] Moscow: Mysl. [=Локк 1985]

Loth, W. (2000). Identity and Statehood in the process of European Integration. *Journal of European Integration History*, 6, 19–31.

L vi-Strauss, C. (1985). *Structural Antropology*. [In Russian] Moscow: Main editorial office of eastern literature. [=Левин-Стросс 1985]

L vy-Bruhl, L. (2014). *Primitive mentality*. [In Russian] Saint-Petersbourg: Publishing house of Sankt-Peterburg university. [=Левин-Брюль 2014]

Mead, G. H. (1934). *Mind, Self, and Society*. Chicago: The University of Chicago Press.

Monitoring 2018: Main tendencies of change of public opinion. [In Ukrainian] Kyiv: Centre of political and legal reforms; Ilko Kucheriv "Democratic initiatives" Foundation. [=Моніторинг 2018]

Morgan, L. (1933). Ancient society, or Researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization. [In Russian] Leningrad: Publishing house of Institute of peoples of the north. [=Морган 1933]

Neumann, I. (2004). *Uses of the Other. The "East" in European Identity Formatio*. [In Russian] Moscow: New publishing house. [=Нойманн 2004]

Ostapenko, I. (2019). *Strategies and technologies for self-identification of youth*. [In Ukrainian] Kyiv: Institute of Social and Political Psychology of NAES of Ukraine. [=Остапенко 2019]

Payne, T. (2000). *Human rights*. [In Ukrainian] Lviv: Litopys. [=Пейн 2000]

Popova, O. (2011). Development of theory of political identity in native and foreign politology. [In Russian] *Identity as a subject of political analysis* (pp. 13–29). Moscow: IMEMO RAS. [=Попова 2011]

Potebnya, O. (1992). *Language. Nationality. Denationalization*. [In Ukrainian] New York: Ukrainian Free Academy of Sciences in USA. [=Потебня 1992]

Reid, Th. (1983). *Inquiry and Essays*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.

Reznik, O. (2003). *An individual's political self-identification under the conditions of civil society*. [In Ukrainian] Kyiv: Institute of sociology NAS of Ukraine. [=Резнік 2003]

Risse, T. (2003). The Euro between National and European Identity. *Journal of European Public Policy*, 10(4), 487–505.

Rose, R., Mishler, W. (1998). Negative and positive party identification in post-communist countries. *Electoral Studies*, 17(2), 217–234.

Ruchka, A. (2012). Political–ideological self-identification of population of modern Ukraine. [In Ukrainian] *Ukrainian society 1992–2012. Condition and dynamics of change. Sociological monitoring* (pp. 29–40). Kyiv: Institute of sociology NAS of Ukraine. [=Ручка 2012]

Rupp, L. J., Taylor, V. (1999). Forging a Feminist Identity in an International Movement: A Collective Identity Approach to Twentieth-Century Feminism. *Signs*, 24(2), 363–386.

Ryan, C. (2017). *Political Self-Identification and Political Attitudes*. Undergraduate Honors Theses, 57. King's University College at Western University.

Schlesinger, Ph. (1987). On National Identity: Some Conceptions and Misconceptions Criticized. *Social Sciences Information*, 26(2), 219–264.

Semenenko, I. (2011). Identity in substantive field of political science. [In Russian] *Identity as a subject of political analysis* (pp. 8–12). Moscow: IMEMO RAS. [=Семененко 2011]

Shveda, Y. (2007). Transformations of political system in context of transformation of political system in Ukraine. [In Ukrainian] *Ukrainian national idea: realities and perspectives of development. Collection of scientific works*. (Is. 19, pp. 165–173). Lviv: National University “Lvivska politechnika”. [=Шведа 2007]

Smith, E. (1994). *National identity*. [In Ukrainian] Kyiv: Osnovy. [=Сміт 1994]

Sosniuk, O., Ostapenko, I. (2017). Psychosemantic features of student youth's national and civic identity. [In Ukrainian] *Ukrainian psychological journal*, 2(4), 164–176. [=Соснюк, Остапенко 2017]

Strabon (1964). *Geography*. [In Russian] Moscow: Science. [=Страбон 1964]

Strath, B. (2003). A European Identity: to the historical limits of a concept. *European Journal of Social Theory*, 5, 387–401.

Straub, J. (2002). *Personal and collective identity: A conceptual analysis*. New York: Berghahn Books.

Taylor, E. (1989). *Primitive culture*. [In Russian] Moscow: Politizdat. [=Тейлор 1989]

Thucydides (2016). *History*. [In Russian] Moscow: Azbuka. [=Фукидид 2016]

Todd, J., Bottos, L. C., Rougier, N. (2008). *Political transformation and national identity change: comparative perspectives*. London; New York: Routledge.

Vannicelli, L. (1989-1990). Political participation, pluralist democracy and freedom in the constitutional state. *Annales Univeritatis Mariae Curie-Skłodowska*. Lublin, 36, 329–339.

Vignoles, V. L. (2019). Identity: *Personal and Social*. *The Oxford Handbook of Personality and Social Psychology* (Ed. by K.Deaux, M.Snyder). New York: Oxford University Press.

Vorona, V., Shulga, M. (Eds.) (2006). *Ukrainian society 1992–2006. Social monitoring*. [In Ukrainian] Kyiv: Institute of sociology NAS of Ukraine. [=Ворона, Шульга 2006]

Voropaeva, T. (2016). Role of the common identity in the context of consolidation of Ukrainians. [In Ukrainian] *Taras Shevchenko National university of Kyiv. Ukrainian studies*, 1, 11–14. [=Воропаева 2016]

Vries, H. de, Weber, S. (1997). *Violence, Identity and Self-Determination*. Stanford.

Vyshniak, O. (2000). *Electoral sociology: history, theory, methods*. [In Ukrainian] Kyiv: Institute of sociology NAS of Ukraine. [=Вишняк 2000]

Waterman, A. (1982). Identify development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research. *Developmental Psychology*, 18(3), 341–358.

Welsh, J. M. (1993). *A Peoples' Europe: European Citizenship and European Identity*. Badia Fiesolana.

Zhadan, I. (2016). Communication practices as a factor of citizenship and national self-identification: theoretical and methodological fundamentals of the study. *Problems of political psychology : collection of scientific works. Institute of social and political psychology NAPS of Ukraine*, 3 (17), 3–11.

Received 26.07.2019

ЄВГЕНІЙ СОСНЮК,

Концепції політичної ідентичності в соціальних науках

Стаття присвячена аналізу концепцій політичної ідентичності в соціальних науках. Автор визначає передумови концептуалізації поняття “політична ідентичність” в різних соціальних науках, розглядає основні етапи системного вивчення політичної ідентичності, розкриває специфіку вивчення політичної ідентичності у вітчизняній науці. У статті наведено визначення політичної ідентичності та виокремлено її структурні компоненти. Визначено перспективи подальших досліджень, які передбачають здійснення аналізу різновидів політичних ідентичностей населення України, встановлення зв'язку між характером політичних ідентичностей і динамікою суспільного транзиту.

Ключові слова: політична ідентичність, етапи концептуалізації, структурні елементи політичної ідентичності, суспільний транзит

ЕВГЕНИЙ СОСНЮК,

Концепции политической идентичности в социальных науках

Статья посвящена анализу концепций политической идентичности в социальных науках. Автор определяет предпосылки концептуализации понятия “политическая идентичность” в различных социальных науках, рассматривает основные этапы системного исследования политической идентичности, раскрывает специфику исследования политической идентичности в отечественной науке. В статье дается определение политической идентичности и выделяются ее структурные компоненты. Определяются перспективы дальнейших исследований, предполагающие осуществление анализа разновидностей политических идентичностей населения Украины, установление связи между характером политических идентичностей и динамикой социального транзита.

Ключевые слова: политическая идентичность, этапы концептуализации, структурные элементы политической идентичности, социальный транзит

YEVHENII SOSNIUK,

Concepts of political identity in social sciences

The article is devoted to the analysis of the concepts of political identity in social sciences. The author defines the preconditions for the conceptualization of the notion of “political identity” in various social sciences, examines the main stages of systematic study of political identity, and reveals the specifics of the study of political identity in domestic science. The author provides the definition of political identity and distinguishes its structural components. The prospects for further research are determined, namely, the analysis of varieties of political identities of the population of Ukraine, and the identification of the relationship between the nature of political identities and the dynamics of social transit.

Key words: political identity, stages of conceptualization, structural elements of political identity, social transit